

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 16-го Января 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11841.

МИНІАТЮРЫ.

Писатель.

Писатель пріѣхалъ въ городъ, въ которомъ провелъ свою молодость.

Его пригласили участвовать членіемъ своихъ произведеній, въ традиціонномъ годовомъ благотворительномъ вечерь.

На вокзалѣ встрѣчали, привѣтствовали. Запомнилось какое-то лицо съ острой черной бородкой и неизвѣстная барышня блондинка, съ мушкой около губъ.

Писатель остановился въ первоклассной гостиницѣ.

Ахъ, ему хотѣлось поступить совсѣмъ иначе!

Маленький дешевый номеръ съ полинавшими обоями. Старый комодъ, на немъ тусклое зеркало. Вечеромъ пыхгящій самоваръ и двѣ свѣчи. Это напомнило бы молодость, его давнее бродяжничество изъ города въ городъ.

Но теперь онъ уже не принадлежалъ самому себѣ,

Писатель только что умылся и началъ пить кофе, когда на письменномъ столѣ затрещалъ телефонъ.

— Уже...

— Что угодно?

Онъ услышалъ пѣвучій и манерный женскій голосъ:

— Я только что прочла о вашемъ пріѣздѣ.. Я звонила всюду.. Я нашла васъ... Я счастлива.. Я хочу васъ привѣтствовать...

— Благодарю...

— Представьте, какое совпадение! Именно вчера я прочла вашъ новый романъ. Чудесно, жму ваши руки.. Я все переживала вмѣстѣ съ вашей героиней.. Это изъ жизни?

— Да, изъ жизни.

— Я такъ и думала! Такой искренній тонъ... У меня мурашки бѣгали по всему тѣлу!

Писатель улыбнулся:

„Мурашки, какъ показатель художественности произведенія“...

Онъ вернулся къ своему кофе и задумался.

Снова звонокъ. Продолжительный, нервный.

— Умоляю, простите,— говорилъ протяжный женскій голосъ.— Я такъ волнуюсь. Всѣ мои надежды на васъ. Уже недѣлю мнѣ известно, что вы пріѣдете.

— Но въ чемъ же дѣло?

— Это ужасно! Я мечтала поговорить именно съ вами... Жизнь такъ сѣра и шаблонна. Такъ рѣдко встрѣчашь что-нибудь свѣтлое.. Я задыхаюсь... Я могу довѣриться только вамъ... Меня любятъ, но меня не удовлетворяетъ современная мѣщанская любовь. Вы, вѣдь, знаете, какъ любилъ Данте Лауру?

— Беатриче... Знаю,— нахмурился писатель...

Генераль-маиръ
В. Н. Воинковъ,
назначенный дворцовымъ
командантамъ.

Жоржъ-Морисъ Палеологъ,
новый французскій посолъ въ Петербургъ.

— Да, да. Неужели больше нѣть такой любви?

— Думаю, нѣтъ.

Кофе на столикѣ уже не дымился.

— Я погибаю... Я все время думаю о самоубийствѣ... Такая сѣрость... Я хочу покончить съ собой...

— И вы говорите обѣ этомъ по телефону?

Писатель рѣзкимъ движеніемъ подѣлъ трубку и отошелъ.

Еще звонки. Потомъ приходили какие то незнакомые люди. Говорили долго, сладко и скучно.

Писатель глубоко задумался.

Четыре года тому назадъ въ Парижѣ онъ наблюдалъ мальчугана-предавца какой-то крикливой машинки. Прижмешь ее—кричать какъ курица. Прохожіе очень охотно покупали эту бездѣлку, жали въ своихъ потныхъ рукахъ, и она кричала, кричала безъ конца, забавляя дѣтей, мальчиковъ, барышень, дамъ и мужчинъ.

Писателю казалось, что онъ самъ теперь походитъ на такую машинку.

Онъ расходится по рукамъ. Онъ принадлежитъ каждому, кто заплатитъ за него цѣну книги. И каждый заставляетъ его кричать по своему; видитъ въ немъ, находить только то, что ему нравится.

Самая ужасная, самая невѣроятная проституція!

Онъ принадлежитъ всѣмъ, кроме себя самого.

Онъ принадлежитъ этой блондинкѣ съ мушкой около губъ, этому человѣку съ острой черной бородкой; барышнѣ, у которой по тѣлу бѣгаютъ мурашки, и другой, которая хотѣла смутить его воображеніе самоубийствомъ, сразу показаться героиней.

Нѣть уголка души, мысли, образа, чувства, которые онъ не выбросилъ бы на рынокъ. У него ничего не осталось своего, ничего заповѣдного, интимнаго,— всюду толпа; все она захватила, заляпала, по своему приняла, по своему разъяснила...

Было время, когда его совсѣмъ не звали. Тогда у него была своя любовь свой гнѣвъ, свой восторгъ; тогда онъ былъ гордымъ, прекраснымъ, былъ человѣкомъ красивой жизни.. Теперь замусоленная игрушка, которая кричитъ каждому на забаву, кричитъ въ миллионахъ рукъ..

Всѣ они ласковы, привѣтствуютъ, улыбаются, низко кланяются, но, Господи, какъ всѣ эти люди похожи на палачей!

Да, это палачи его души! Они все отняли отъ него все взяли,— оставили его жалкимъ нищимъ. Ничего для себя, ничего своего! Все, что онъ чувствуетъ и переживаетъ, для книги. Онъ даже не знаетъ, гдѣ у него кончается литература и начинается личная жизнь.

О, если бы можно было хоть на минуту по прежнему чѣмъ нибудь увлечься, засверкать, пожелать, устремиться! Если это и случается, то тотчасъ отрывается отъ души, облекается въ слова, превращается въ рисунокъ, въ разсказъ, главу повѣсти.

„Не нужно думать обѣ этомъ, рѣшилъ писатель.— Каждый разъ, когда я пріѣзжаю въ городъ моей молодо-

Н. М. Федоровский,
новый сенаторъ, бывшій
предѣдатель 1-го граж-
данского департамента харь-
ковской судебной палаты.

...Слава... Если у нея есть лицо, то это лицо хохочущей медузы! Какъ она ужасна. Она пришла. Онъ хорошо знаетъ єя сладковато-горькій въ усъ. Ея наркозъ, а постомъ состоиніе ненависти къ самому себѣ, чуєтъ тешноты.

Его читаютъ, его слова повторяютъ, предъ нимъ преклоняются.. Злые глупцы! Онъ усталъ, утомился. Его воображеніе давно поглощено, мысль остыла, увлеченіе смѣнилось привычкой ловкостью руки, — а они кланяются, повторяютъ, восхищаются.. А раньше, въ этомъ самомъ гордѣ, онъ, действительно, былъ удивительнымъ, яркимъ, пламеннымъ, и его не видѣли, не брали, не замѣтили. Самое лучшее, свѣтлее, молодое ушло.. А тогда онъ самъ могъ улыбнуться всѣмъ, тогда у него самого кипѣла и искрилась жизнь. Были чудесныя, настоящія слова. Былъ огонь для ищущихъ юношей, девушекъ, — восторгъ и радость. Все погибло, покрылось сѣдинами, душа стала нищей, и тогда вдругъ его признали необыкновеннымъ. Слава... издѣвающаяся медуза!

— Лжете! Не теперь, а раньше я писалъ прекрасно. Но вамъ нужна

Е. В. Иванова,

(Къ 35-лѣтію ея педаго-
гической дѣятельности).

Аббать Лемиръ,

первый священникъ, избранный старшимъ вице-президентомъ французского парламента и на дняхъ отказавшійся отъ этого избрания.

Мемедъ-Шерифъ-паша,

вождь турецкой партии «Лiberального согласія», заочно приговоренный младотурками къ смертной казни по подозрѣнію въ организаціи убийства Махмуда-Шефкета-паші (Къ покушенію на него въ Парижѣ).

сти, меня охватываютъ печальные мысли. Довольно».

Вечеръ писатель отправился въ театръ. Онъ любилъ театръ. Но удовольствіе было испорчено. Безчисленные знаки вниманія, шепотъ за спиною, упорные взгляды, разговоры съ незнакомыми, — все это нервировало, раздражало вниманіе.

Оять чужой, опять крикливая игрушка..

Врнувшись въ гостинницу, писатель нашелъ въ своемъ номерѣ чудесный букетъ красныхъ, благоухающихъ розъ. Мужчина, женщина? Ни карточки, ни письма. Это случалось такъ рѣдко, и писателя тронуло такое безкорыстное вниманіе.

Онъ тронулъ рукой вѣжные цветы и... странно, почувствовалъ, вспомнилъ, что его волосы уже сѣды, лицо въ морщинахъ, походка не твердая, не уверенная.

Сердце сжалось отъ боли. Онъ сѣлъ въ кресло и опустилъ голову на руки.

была этикетка. Я не имѣлъ ее тогда. Вѣдь, у васъ нѣть своего вкуса, своей сцѣнки! Вы пожирите огрызки моихъ мыслей! Вы погубили въ нищенствѣ, одиночествѣ, злостоліи и непониманіи моею молодості! Вы приносите мнѣ цветы, когда я усталъ до прѣстѣній степени, когда мои волосы сѣды, когда я похожъ на нищего, обирающаго свою былуую молодость!

Писатель хотѣлъ заплакать и не могъ. Онъ уже не умѣлъ плакать въ жизни.

На другой день всѣ въ городѣ были очень удивлены, узнавъ, что писатель уѣхалъ за часъ до традиціоннаго благотворительного вечера.

Танцы.

— Алеша! — раздался звонкій голосокъ въ дверяхъ кабинета.

— Чго, дѣточка?

— Пей самъ чай. Я иду одѣваться.

— Эго еще куда?

— Не знаешь? Сегодня танцевалъ на вечерь.

— Нѣ, мы были на балу третьего дня. Я думать отдохнугъ, посигнѣть съ тобой.. Какая ты неустранимая, Лизочка.

— Странно, — въ голосѣ прозвучала нотка обиды, — ты, вѣдь, зналъ, когда собирался жениться, что я люблю танцевать!

— Хорошо, пойдемъ. Не будемъ дѣлать изъ пустяка какой то государственный вопросъ.

— Самъ дѣлаешь. Тоже поторопись.

— Успѣю. Ты долго одѣваешься, я всегда жду.

— Такъ и слѣдуетъ. Ты становишься неповоротливымъ, и скоро мнѣ придется ожидать тебя.

Алексѣй Федоровичъ нахмурился, но скоро его лицо снова прояснилось.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обвинять свою маленькую дѣтку. Такая маленькая, точно ее когъ наплакалъ. Полгода замужемъ. Такая юная

с совсѣмъ дѣвочкой. Конечно, ей хочется еще разъиться, прыгать, танцевать. Кроме этого у нея нѣтъ недостатковъ... Нѣжная, добрая, веселая. Придешь со службы,—прыгаетъ, какъ собачка, рада, глазки смеются. А какія забавныя кушанья она выдумываетъ! И всегда несчастье,—то палецъ обожжетъ, то пересолитъ, то забудеть что-нибудь положить... Пройдетъ время, станеъ болѣе серьезной. Да и мнѣ еще рано превращаться въ домосѣда съ халатомъ и туфлями. И я, чортъ возьми, еще молодъ!

Впрочемъ, Алексѣй Федоровичъ немного фальшивилъ и обманывалъ самого себя. Правда, онъ присвистнулъ, поднимаясь съ своего кресла, но ему очень не хотѣлось идти на этотъ вечеръ. Опять одѣваться съ иголочки (Ложка любитъ, когда очь выглядитъ франтъ), опять танцевать. Немножко еще ничего, но она прыгаетъ весь вечеръ.

Онъ началъ неторопливо одѣваться.

— Атеша! Ты готовъ?

— Почти.

— Иди ко мнѣ. Застегни кнопки. Татьяна не можетъ разобраться.

Онъ вошелъ въ комнату жены. Она стояла у зеркала, уже набросивъ на себя платье. Маленький пуховокъ внимательно пудрила лобъ, носъ и подбородокъ.

Поцѣловалъ ея голое, крохотное плечико и началъ застегивать.

— Сначала лифчикъ.

— Ну знаю, знаю. Онъ танцевалъ съ нею весь вечеръ. Такъ не хотѣлось уступать ей другимъ. Ноги едва слушались его. Сердце сильно билось, и иногда покалывало. Лицо стало краснымъ, словно послѣ бани.

— Ты усталъ, Алешичка, говорила жена.—Ничего, мы пропустимъ этотъ вальсъ.

Но начинали играть вальсы,—она хмурилась, кусала губы:

— Какъ ты быстро устаешь? Ты раньше не уставалъ. Мнѣ казалось, что ты самый лучшій танцоръ...

Онъ понималъ опасность всякаго разочарованія.

— Я совсѣмъ не усталъ.

Они уходили въ залъ и кружились, кружились пока не умолкалъ оркестръ. Его ноги начинали заплеться.

— Держи меня крѣпче. Такъ... Я люблю, когда отлетаешь немножко. Такъ. И смотри на меня. Ну... Разговаривай.. Это же интересно танцевать и разговаривать...

Саппа Бернаръ,
Новый кавалеръ ордена «Почетнаго Легиона».

въ исполненіи ученицъ харьковской Вознесенской женской гимназіи.
(Фотогр. „Идеалъ“, Кислова).

«Эдипъ въ Колонѣ»,

— Конечно...

— Ты меня очень любишь? Ну, сколько, сколько! Мы отстаемъ, насы толкаютъ... Топчемся на мѣстѣ...

— Это кажется.

— Держи крѣпче.. Ты меня очень любишь?

Онъ отвѣчалъ, задыхаясь отъ усталости.

— Какая ты еще дѣвочка.

— А ты меня уже скучалъ. Не стыдно? Ахъ, если бы еще разъ сыграли паде катръ... Вальсъ меня укачиваетъ, кажется, вижу какой то сладкій сонъ... Какъ ты нѣжно поцѣловалъ сегодня мое плечико... А падекатръ разъ... Мнѣ хочется гнуться прыгать... Уже конецъ. Слушай. Алеша, тебѣ тоже хочется гнуться и прыгать?

— Конечно, быстро отвѣтилъ онъ, чувствуя какое то непріятное головокруженіе и слабость.

Когда возвращались домой и сидѣли въ саняхъ Алексѣй Федоровичъ наслаждался покоемъ. Кажется, просидѣлъ бы такъ, неподвижно цѣлую вѣчность.

— У тебя болятъ ноги?—спросилъ онъ жену.

— Нисколько. А у тебя развѣ болятъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Милый, прижалась она къ нему.—какой ты заботливый.

Онъничго не отвѣтилъ.

Чрезъ по года онъ окончательно началъ задыхаться, сердце билось, какъ сумнѣвшее.

— Какой ты неповоротливый,—сказала она ему однажды на вечерѣ.—Съ тобой неудобно танцевать. Смѣшно, вѣроятно, смотрѣть на насъ.

Онъ пересталъ танцевать. Только смотрѣлъ, какъ неутомимо порхала его жена. Злился, ревновалъ, бѣсился, но есѧ таки не могъ танцевать какъ раньше.

Иногда самъ просялъ:

— Лизокъ, слѣдующій вальсъ со мной.

Не надо, дорогой, тебѣ вредно.

Улыбалась и уходила.

Дома теперь было не весело. Ео словно забыли, мало и рѣдко говорили. Зато завелись гости, подруги, прогулки.

— Ты работаешь, Аешенька?

— Да, но если хочешь, пойдемъ вмѣстѣ.

— Не беспокойся. Я на часъ загляну къ Марѣ Александровѣ. Она звонила сего дня по телефону.

Прошло еще полгода. Послѣдніе мѣсяцы были ужасны, отвратительны. Сцены, истерики, злые слова а потомъ молчаніе по недѣлямъ.

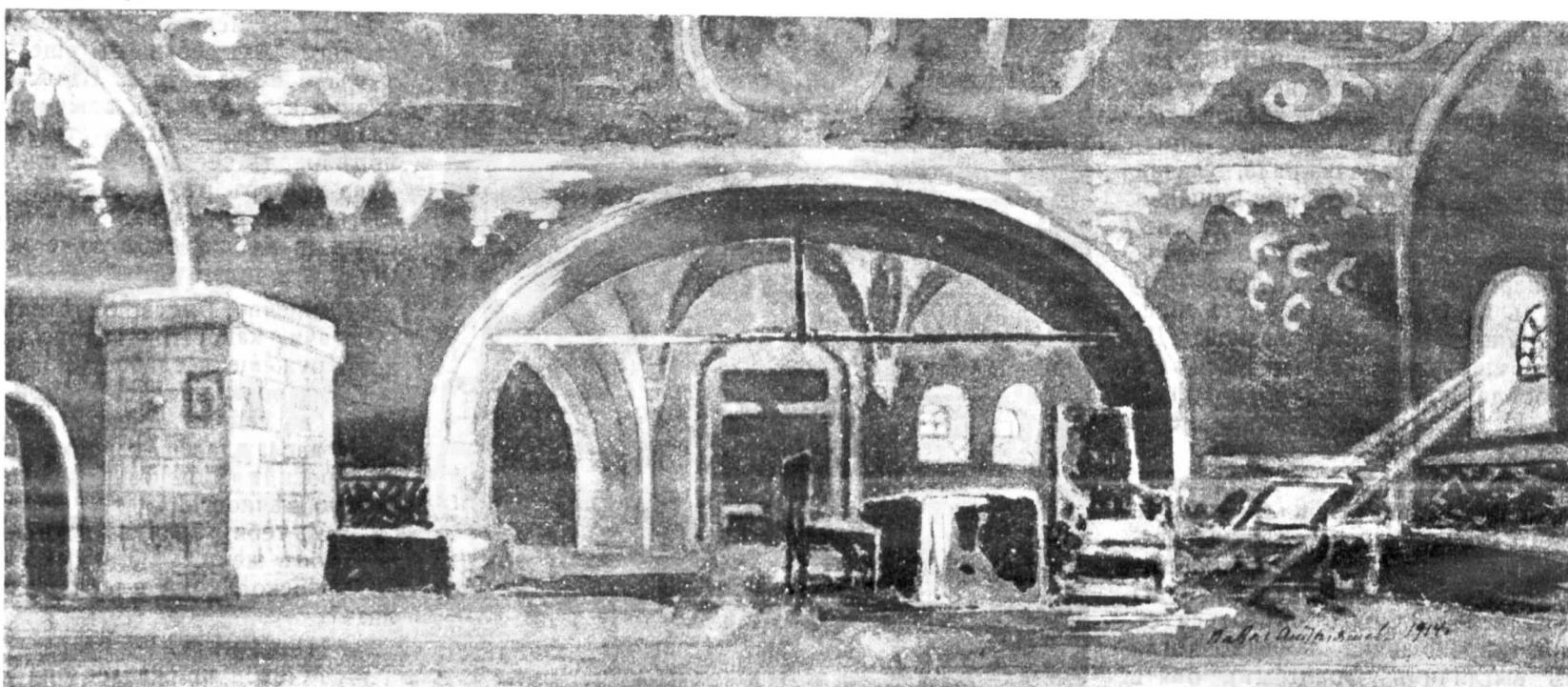
— Ты уходишь?—просилъ Алексѣй Федоровичъ, входя въ комнату жены.

— Да.

— Скажи, Лиза, съ кѣмъ это ты постоянно танцуешь?

— Вовсе не постоянно! Ты опять хочешь испортить мнѣ настроение? Такъ каждый разъ.

— Не кричи. Я совсѣмъ не думаю съ тобой скориться. Кто это?

«Царь Феодоръ Ioannovichъ» въ постановкѣ городск. театра. «Царская палата».

Эскизъ декораціи П. И. Андреева.

— Человѣкъ. Сынъ директо-
ра банка.

— Ты съ нимъ слишкомъ
часто видишься. Мы нигдѣ не
бываемъ вмѣстѣ.

— Олять! Вѣчно выдумаешь
новое. Онъ прекрасно тан-
цууетъ. Вотъ и все.

— Оглично, но отчего же
ты никогда не танцуешь со
мной?

— Любопытно! Заколетъ серд-
це и грохнешься среди зала.

— Конечно, если прыгать
весь вечеръ, но какой-нибудь
вальсъ.

— Покорно благодарю. Ты
уже старъ. Такой толстый — я
тонкая. Не поворотливъ, тя-
жель. Съ тобою душно и жар-
ко. Все топчешься на мѣстѣ.

— Но согласись, Лиза, что
все это ненормально!

— Совершенно согласна. Но
въ этомъ ты самъ виноватъ.
Я никогда не думала, что ты...

— Ну, ну, кончай.

— Такой чурбанъ... Застегни
кнопки.

Черезъ два мѣсяца Алексѣй
Федоровичъ, вернувшись домой
изъ клуба, не засталъ жены.

„Вѣроятно, ушла къ знако-
мымъ“ — рѣшилъ онъ и про-
шелъ въ кабинетъ.

На письменномъ столѣ за-
мѣтилъ клочокъ бумаги. Про
челъ:

„Мнѣ ужасно тяжело. Але-
ша, прости, умоляю, прости.
Ты ничего мнѣ не дай, ты
огравилъ мою молодость. Не нужно
упрековъ. Я ухожу. Я вѣрю въ твое
благородство.. Прости меня. Лиза.

Алексѣй Федоровичъ грустно улы-
бнулся и прошепталъ:

— Женщина...

Фениксъ.

ПОСЛЕДНІЯ МОДЫ.

Костюмъ изъ чернаго бархата.

Манто изъ мѣха.

„ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ“.

Второго января въ помѣщеніи
Вознесенской женской гимназіи во-
спитанницами старшихъ классовъ,
подъ руководствомъ преподавателя

Н. М. Баженова, была постав-
лена трагедія Софокла „Эдипъ
въ Колонѣ“, въ перевѣдѣ
Мережковскаго.

Превосходно проведена за-
главная роль,—данъ былъ яр-
кий и законченный образъ Эди-
па; исполнительница угадала
середину между напыщеннымъ
паѳосомъ и отсутствиемъ его.
Искренне, съ неподдельнымъ
чувствомъ сыгранъ былъ бла-
городный царь Тезей. Много
теплоты и мягкости дала Ан-
тигона. Несколько себѣ дру-
гихъ были исполнительница
роли Креона и юный Поли-
никъ, которому не удалось
съ достаточнымъ подъемомъ
передать душевную бурю прок-
лятаго отцомъ сына. Впрочемъ,
эти небольшіе промахи юныхъ
исполнителей, вполнѣ понят-
ные при новизнѣ дѣла и
психологической трудности ро-
лей ничуть не портили об-
щаго прекраснаго впечатлѣ-
нія: съ такой любовью къ
дѣлу и одушевленіемъ игра-
ли участницы, такъ граціоз-
на, проста, спѣльна и изящ-
на была вся постановка,
что намъ остается лишь
пожелать, чтобы Н. М. Ба-
женовъ продолжалъ съ ус-
пѣхомъ свое дѣло, и чтобы
этотъ благой примѣръ
нашелъ и у другихъ подра-
жаніе.

И. М.

